
Екатерина Капустина

ГРАНИЦЫ ДЖАМААТА: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ТРАНСЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ВНУТРИРОССИЙСКОЙ МИГРАЦИИ

В статье анализируется современное устройство и функционирование дагестанских сельских сообществ, представители которых участвуют во внутрироссийской миграции (в качестве примера выбрана миграция в города Западной Сибири). В качестве теоретической «линзы» выбраны положения концепций транснационализма и транслокальности, которые позволяют рассматривать мигранта и его социальный мир без отрыва от его отправляющего сельского сообщества (джамаата). Выдвигается положение, что дагестанское сельское сообщество в ходе миграционных процессов последних десятилетий перестает существовать как локальный социальный организм. Пришедшее ему на смену транслокальное сообщество организовано по принципу «глобальной деревни» и состоит из мигрантов, членов их семей и немигрантов, оставшихся в селении. Транслокальные мигранты, чье жизненное пространство включает несколько удаленных друг от друга географических точек, выстраивают свою идентичность и социальные сети на принадлежности к тому или иному дагестанскому селению. Отправляющее сельское сообщество важно для мигрантов как арена демонстрации собственной успешности и место, куда направляются финансовые средства. Мигранты вкладывают силы и средства не только в собственные домохозяйства, оставшиеся в селениях, но и сообщая помогают родным селам. Брачные стратегии мигрантов связаны с сельским сообществом. Кроме того, родное село воспринимается как единственно возможное место погребения умерших мигрантов. Большую роль в консолидации транслокального джамаата играют Интернет-ресурсы – социальные сети и мессенджеры, позволяющие строить сети и поддерживать связь с земляками в реальном вре-

Екатерина Леонидовна Капустина – к. и. н., заведующая отделом этнографии Кавказа, Музей антропологии и этнографии РАН, С-Петербург, Россия. Электронная почта: parlel@mail.ru

мени. Ориентация на сохранение приоритета сельской локальности при переселении за пределы села и Республики Дагестан, поддержание транслокальных связей формируют новый социальный организм – мультилокальное сообщество.

Ключевые слова: сельское сообщество, Дагестан, миграция, транслокальность, социальные сети мигрантов

DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118

Дагестан – один из немногих регионов Кавказа, где сохраняется сопоставимый с городским процент сельского населения и горные районы равномерно и достаточно плотно заселены. Тем не менее процесс переселения с гор на равнину, продолжавшийся последние сто лет и интенсифицировавшийся к началу XXI в. (Карпов, Капустина 2011; Казенин 2012), как и неизбежность урбанизации приводят к тому, что многие селения, преимущественно горные, неуклонно теряют свое население. Это ставит вопрос о будущем дагестанского селения как специфического социального пространства. К тому же Дагестан является одним из регионов, где трудовая миграция оказывает значительное влияние на многие сферы социальной и политической жизни вследствие ее масштабов, географии и вовлеченности в нее большинства сельского населения. Миграция из Дагестана в другие регионы страны стала заметным экономическим и социальным явлением не только для дагестанского общества, но и для тех регионов, куда направляются дагестанские мигранты, она порождает множественные дискуссии и в силу своей актуальности и масштабности требует исследования.

В центре нашего внимания – практика миграции из сельских районов Дагестана в крупные города и добывающие центры Западной Сибири, однако основной предмет анализа – не мигранты как таковые и не их жизнь в миграции, а скорее дагестанский «постсельский» социум выходцев из одного селения, сформировавшийся в результате этой миграции. Доказательство актуальности и значимости этого социального института как для Дагестана, так и для принимающих дагестанских мигрантов других регионов и существования специфических практик, направленных на его поддержание, а также на замещение некоторых функций государственных институтов, будут основной целью предлагаемой работы.

Дагестанское сельское сообщество в разрезе транслокальной парадигмы

Специфика внутрироссийской миграции из сельских районов кроется не столько в специфике причины отъезда (безработица и низкий уровень жизни в республике), сколько в стремлении мигрантов сохранять постоянные и достаточно глубокие контакты с родственниками, оставшимися

на малой родине, и с сельчанами, членами сельского сообщества – джамаата. «Джамаат» для дагестанской реальности – многозначный термин, применяющийся и по отношению к собранию выборных представителей села, и к сельскому сообществу в целом; кроме этого, джамаат может восприниматься и как мусульманская община прихожан одной мечети. На деле вторая и третья социальные структура зачастую тождественны друг другу, поскольку абсолютное большинство жителей дагестанских селений считают себя мусульманами (хотя далеко не в каждом селе это большинство активно посещает мечеть).

Рассуждая о степени важности сельского сообщества для социальной структуры современного Дагестана, важно учитывать специфику дагестанской системы родства, где, в отличие от некоторых других регионов Северного Кавказа, не получили развития родовые структуры, насчитывающие много поколений, часто мифическое происхождение от общего предка и отличающиеся более-менее строгой экзогамией (запретом на браки внутри рода). Вместо этого для дагестанских сообществ характерна тухумная организация, где тухум – семейно-родственное образование, состоящее порой из нескольких поколений, ориентированное скорее на эндогамию (в горных районах все еще распространены даже кузенные браки). В таких условиях вместо семейной солидарности на первый план выходит солидарность сельская, подкрепленная сельской эндогамией. Это вкуче с историей политической независимости многих селений (значительная часть горных сел до эпохи Кавказской войны входила в вольные общества и фактически обладала суверенитетом), лингвистической дробностью, неоднозначностью этнической идентичности можно рассматривать в качестве предпосылок для закрепления именно сельской идентичности как базовой в условиях политической и социальной трансформации Дагестана в последнее столетие. Сельская идентичность не теряет своей актуальности даже в условиях масштабного процесса урбанизации в регионе (см., Карпов 2007; Карпов 2008; Капустина 2012; Соколов 2017б).

Однако интенсивные миграции как внутри республики, так и за ее пределы приводят к тому, что лишь в относительно немногих селах Дагестана большинство населения продолжает постоянно проживать на своей сельской родине. Наоборот, классической стала ситуация, когда в горном селе остается многократно меньше семей, чем выезжает за его пределы. У выходцев из села есть несколько направлений отъезда: помимо временной трудовой миграции, сельчане переселяются в равнинные села, где уже компактно проживают выходцы из их села – плановое и реже стихийное переселение в которые, как правило, происходило еще с середины XX в. (Карпов, Капустина 2011), а также в города республики, часто – в ее столицу. Таким образом, сельские сообщества, преодолевая локальность и цельность, в значительной мере присущую большинству из них еще несколько десятилетий назад, в настоящее время переживают период

трансформации. Поэтому перед ними встает вопрос, насколько возможно сохраниться в качестве единого социального организма в новых условиях. Некоторые исследователи, замечая этот процесс, даже склонны говорить о смерти джамаатов (Соколов 2017б), по крайней мере, для мигрировавших из селений людей, особенно второго и третьего поколения мигрантов, однако, на мой взгляд, этот вывод звучит слишком радикально.

Термин «сообщество» (*community*) в социальных исследованиях долго был напрямую сопряжен с термином «локальность», когда членов сообщества связывает прежде всего идея общей специфической территории. Исследования последних тридцати лет показали большую вариативность вне-территориальных форм сообществ, характерных для современного глобального мира, а сам термин *community* подвергался в них критике за неоднозначность и противоречивость (Байфорд 2014). Так, Аржун Аппадурай утверждал, что необходимо определить причину локальности как жизненного опыта в глобальном мире и реконцептуализировать ландшафты групповой идентичности, в которых группы больше не строго территориализированы, пространственно ограничены или культурно гомогенны (Appadurai 1991: 191–196). Внимание исследователей привлекла тема коллективных идентичностей, а в связи с этим и изучение символической роли места (локальности) в конструировании этих идентичностей (Cohen 1985). В результате в последние десятилетия стало очевидно, что связующим звеном для членов сообщества могут быть не только и не столько общее место проживания, а другие факторы, например, социальные сети, не связанные с локальностью (Wonneberger 2011: 129).

В связи с осмыслением локальности и опыта миграции социальные науки восприняли понятие «глобальная деревня» в контексте понимания того, что в силу разных факторов – изменения способов и стоимости перемещения людей, финансов, информации, технологий – жизнь человека стала глобальной и локальной одновременно, он стал жить в многоуровневой реальности (Copeland-Carson et al. 2012). Географические границы одной деревни используются как источник идентичности сообщества, но существует и совершенно неограниченное «внетерриториальное сообщество», «социально детерминированное пространство» которого в идеале может охватывать целый мир (Peleikis 2003: 13).

Термин «сообщество» в этой статье подвергнется детерриториализации при помощи исследовательской оптики транснационализма и транслокальности, позволяющих уделить должное внимание контактам мигрантов с отправляющим сообществом и их физической и социальной мультилокальности. Транснационализм здесь определяется как свойство миграции, состоящее в том, что мигранты развивают и поддерживают множественные формы отношений, пересекающие государственные границы, и строят свои публичные идентичности при взаимодействии с более чем одним национальным государством (Glick Schiller et al. 1992: ix). Подход к изучению миграции,

базирующийся на понятии транснационализма, предлагает исследователям обращать внимание на тот факт, что мигранты, совершив переезд, тем или иным образом остаются связаны с прежним местом жительства. В этом контексте понятие транснационализма пересекается с привычным и прочно обосновавшимся в социальных науках и общественном дискурсе понятием «диаспора». Для некоторых исследователей эти термины тесно взаимосвязаны (Tölölyan 1996), другие обращают внимание на то, что не всякая миграция, ведущая к образованию диаспоры, позволяет говорить о явлении транснационализма. Так, по мнению Томаса Фейста, диаспоральное сообщество и те, кто остались дома, нередко живут в разных социальных мирах, тогда как транснационализм предполагает функционирование сетей, связывающих мигрантов и жителей принимающей территории, и различные трансграничные взаимодействия – экономические, социальные, культурные (Faist 2010).

Для рассматриваемой в статье дагестанской внутрироссийской миграции актуальнее использовать понятие транслокальности. Транслокальная миграция рассматривается некоторыми авторами как аналог транснациональной миграции, не предполагающий пересечения национальных границ. Действительно, в некоторых регионах мира миграция внутри одной страны по масштабам, последствиям и сложности сопоставима и даже порой превосходит международную; внутрироссийская миграция – такой случай. При другом взгляде на транслокальность не исключается наличие национальной границы между отправляющей и принимающей территорией, однако акцент делается на мобильности денежных, товарных и символических потоков – например, идей и символов (Greiner 2010; Greiner, Sakdapolrak 2013). Этот подход очень продуктивен, когда рассматриваются современные мигрантские практики дагестанцев.

Транслокальный характер миграции из Дагестана в города ХМАО уже рассматривался (Капустина 2016), но стоит повторить, что невозможность полностью вписаться в жизнь отправляющего сообщества, примерно в равной степени временный характер жизни в миграции и на малой родине, постоянные перемещения между отправляющим и принимающим сообществами – все эти факторы и делают дагестанских мигрантов транслокальными мигрантами. В данной статье, не уделяя много внимания демонстрации транслокальной специфики рассматриваемых сообществ, я хочу подчеркнуть роль отправляющего общества в жизни мигрантов в городах ХМАО. Отдельно будут рассмотрены практики решения социальных проблем села силами сообщества, в том числе переселенцев в другие регионы, и порой фактического замещения государства в вопросах социального развития сельского Дагестана. Помимо этого, будет поставлен вопрос о том, можно ли и в какой мере говорить о транслокальном дагестанском сельском джамаате в современных условиях.

В основу статьи легли полевые материалы – полуструктурированные и биографические интервью, собранные автором в городах Западной Си-

бири (Сургуте, Нижневартовске, Пыть-Яхе), в различных районах республики (Хасавюртовский, Дахадаевский, Кайтагский и другие районы) и Махачкале в 2011 и 2014–2016 гг. В качестве информантов выступили трудовые мигранты, члены их семей, односельчане и соседи в миграции, а также члены отправляющегося сообщества, остающиеся на исторической родине и участвующие в транслокальной жизни мигрантов. В ходе подбора информантов не ставилась цель работы с людьми определенного возраста, профессии или гендера. В выборке присутствуют почти все возрастные группы, однако в силу ее трудового характера большая часть информантов – мужчины и женщины 25–50 лет. Всего по теме трудовой миграции из дагестанских сел в западносибирский регион за период исследования проведено 90 бесед продолжительностью от 15 минут до 3 часов: большая часть из них записана на диктофон. Наблюдения за траекториями нескольких семей продолжались на протяжении 2–4 лет, что позволило фиксировать изменения дискурсов и практик, увидеть длительные семейные траектории мигрантов. Важной частью работы стали экспертные интервью с работниками местных администраций и руководителями земляческих организаций Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска. Отмечу, что горожане в гораздо меньшей степени участвуют в миграции в ХМАО, поэтому и рассматриваемые в статье вопросы посвящены миграции из дагестанского села в западносибирский город.

Одним из самых важных методов сбора материала выступило непосредственное наблюдение – как в местах миграции, так и в отправляющих сообществах мигрантов. Работа в селах имела большое значение для уточнения контекста жизни конкретных семей дагестанских мигрантов. Мое непродолжительное, но неоднократное проживание в мигрантских семьях позволило верифицировать некоторые данные из интервью и сопоставить декларации членов сообщества и то, как эти декларации преломляются в условиях реальной жизни переселенцев (с поправкой на эффект присутствия исследователя).

Отправляющее сообщество для мигранта

Взаимодействие между отправляющим обществом и мигрантом нередко определяется существованием эффективных социальных сетей, которые могут формироваться под влиянием разных факторов, но, применительно к дагестанской миграции, часто именно сельская – а, например, не этническая – идентичность становится базой для их формирования. Исключением могут стать дагестанские ногайцы, для которых этническая принадлежность становится важнее территориальной – отсюда низкая интенсивность контактов ногайцев с дагестанской земляческой организацией в Сургуте и, наоборот, их тесные контакты там с ногайцами, приехавшими из Карачаево-Черкессии и Чечни.

Под идентичностью здесь понимаются разные варианты сопряженности индивида с селением – как проживание в нем, так и просто происхождение из этого селения, при наличии там актуальных, прежде всего, родственных связей. То есть не живущий в селении человек (мигрировавший в город Западной Сибири или в Махачкалу) при наличии актуальных связей в селении вполне правомерно пользуется информационным, экономическим и другими преимуществами, предоставляемыми его малой родиной.

В Дагестане социальные сети, выстроенные на земляческой основе, могут быть основой формирования определенной производственной и торговой специализации ряда селений, когда большинство жителей того или иного села занимаются одним и тем же видом деятельности в миграции. Такая специализация сел была характерна для Дагестана и в прошлом – отходничество чрезвычайно развито в регионе уже со второй половины XIX в., при этом часто было связано с ремесленной спецификой селений. В некоторой степени это является реальностью для республики и сейчас: например, есть села строителей, животноводов, садоводов, отходников-земледельцев, изготовителей меховых шапок, обувщиков, водителей КАМАЗов (здесь речь не идет о традиционных, все еще живых, но уже давно не являющихся крепкой экономической основой сельской жизни, ремеслах и промыслах). Профессии или навыки, связанные с уже устоявшейся сельской спецификацией, иногда обуславливают однородность занятий в миграции: например, большинство выходцев из с. Новолакского, обосновавшихся в Сургуте, связаны с зубным протезированием. Замечу, однако, что будет преувеличением говорить о приоритете случаев однородной профессиональной занятости выходцев из одного дагестанского селения. Во многих случаях односельчане, приезжающие в миграцию в один и тот же населенный пункт, нанимаются при этом на различные виды работ. Интересно отметить, что подобная «сельская специфика» порой находит отражение и в политическом дискурсе: в республике принято говорить как о некоей реальности о политических союзах, основанных на принадлежности к тому или иному селу. Так, выходцы из села Леваши долгое время занимали пост главы региона; клан, объединявший выходцев из села Буртунай Казбековского района, занимал руководящие должности в Северном Дагестане; выходцы из села Чиркей Буйнакского района играют важную роль в высших эшелонах религиозной элиты суфистского направления и т.п. Однако, судя по всему, речь в таких случаях скорее идет об ограниченном наборе связанных родством семьях, чем об общеджамаатском ресурсе, доступном большинству сельчан.

Применительно к миграции сельская спецификация актуальна, в первую очередь, тем, что она нередко определяет конкретное направление выезда мигрантов и в целом облегчает и удешевляет миграцию для новых мигрантов из отправляющего сообщества (Boyd 1989: 638–63; Massey at al. 1987). Миграция в города ХМАО формулирует перед дагестанцами, приезжаю-

щими туда, следующие вызовы: во-первых, дискриминационный, часто антикавказский дискурс на работе и в быту; во-вторых, «стеклянный потолок» для мигрантов в некоторых особенно прибыльных сферах (нефтяной сектор, силовые структуры). Именно в этих условиях часто актуализируется ресурс отправляющего сообщества, что дает мигрантам экономическую и социальную поддержку, а также общение в часы досуга.

Согласно моим полевым данным, мигранты-земляки действительно помогают односельчанам устроиться на работу, а те выходцы из Дагестана, которые построили успешную карьеру в государственных корпорациях или свой бизнес, трудоустраивают в подконтрольные им структуры земляков. Так, практически все мигранты из с. Бежта, работающие «на севере», в городах ХМАО и ЯНАО, по сообщениям информантов, получили работу через своего земляка, занимающего крупный пост в компании, куда они трудоустраиваются. Другой дагестанец предоставляет большей части своих земляков-мужчин, решивших отправиться в миграцию в Сургут, работу на своем предприятии на летний сезон (сезонность связана со спецификой работы). В такой практике найма сотрудников, помимо экономической выгоды для работодателя (ему доступен сетевой рекрутинг), явно есть и элемент социальной ответственности перед земляками. Например, со слов одного информанта, на эту работу к упомянутому сургутскому предпринимателю приехали наниматься пожилые мужчины, решившие заработать на свадьбы своим выросшим детям. Земляк-работодатель отказался оформлять их на работу, сославшись на их почтенный возраст, однако выдал им приличные суммы денег, примерно равные их несостоявшейся зарплате.

Миграция для отправляющего сообщества

Мигрант выезжает из охваченного безработицей дотационного Дагестана в относительно стабильно развивающийся регион ХМАО ради заработков и планирует отправлять эти заработки тем членам семьи, которые остались в родном селе. Однако не только семьи мигрантов, но и остальные сельчане в определенной степени зависят от заработков трудовых мигрантов. «Мигрантские» деньги оживляют сельскую экономику, особенно торговлю и сферу услуг, бизнес, связанный с организацией свадебных торжеств и других ритуалов. В интервью информанты описывали радость местных коммерсантов в сельском Дагестане, ожидающих прибытия «северян» в отпуск или после сезона работ, ведь они привозят в село «живые» деньги (а не покупают в долг до зарплаты, как часто делается в селах). Также приехавшие стараются начать или, наоборот, завершить крупные проекты в селе – строительство или ремонт жилья, покупку машины, организацию свадебных закупок и торжеств – да и просто отдыхают в местных кафе и организуют застолья для

друзей и родственников. В результате и недвижимость, и услуги, и ритуалы становятся для всех сельчан дороже (в дело также вступает ярко проявляющаяся «соревновательность» сельчан).

Отправляющее сообщество важно для мигранта и как пространство исполнения главных ритуалов, ведь именно ритуалы «предоставляют идеальный контекст, где можно вновь подтвердить членство в сообществе, продемонстрировать силу, статус и его повышение» (Goldring 1999: 174). Ярче всего это отражается в свадебных и похоронно-поминальных ритуалах. К примеру, брачные стратегии мигрантов-северян преимущественно связаны с отправляющим сельским сообществом. Несмотря на длительность жизни в миграции и удаленность городов ХМАО от Дагестана, ориентация на брак с односельчанами все еще остается приоритетом для мигрантов обоих полов и даже среди их потомков, выросших на Севере. Для нахождения невесты сыну или жениха дочери семья дагестанцев-северян может воспользоваться помощью оставшихся в селе родственников. Так, одному моему информанту, чья семья уже долгое время живет в Сургутском районе, невесту подобрали родственницы матери, проживающие в его родном селе, причем они взяли на себя все хлопоты по организации сватовства и вручения необходимых подарков стороне невесты (родители жениха лишь переводили деньги на все расходы). Поэтому жених с семьей мог позволить себе приехать в Дагестан непосредственно перед свадьбой, а через неделю он уже вернулся с супругой на север, где повторил свадебный ритуал с участием находящейся там родни.

Также такая «помощь остающихся» касается обязательных посещений домов односельчан (родственников, соседей, знакомых), в которых произошли значимые события. В случае свадьбы представитель от семьи приходит в дом тех, кого следует поздравить, и дарит деньги, однако в случае соболезнования семье умершего представителю (главе семьи), как правило, полагается приходить лично, во время очередного приезда в село. К сожалению, полученные данные в целом недостаточны для того, чтобы сделать выводы о преобладающих брачных стратегиях среди детей мигрантов-дагестанцев. По мнению Дениса Соколова, выросшие в Сибири дети мигрантов все так же стараются жениться на своих сельчанках, однако для них брак не является способом интегрироваться в сельскую среду (Соколов 2017а).

Обязанность посетить свадьбы относительно близких родственников заставляют мигрантов планировать свои отпуска, исходя из свадебных «расписаний» в селе или преодолевать более трех тыс. км и столько же обратно только ради одного-двух дней на малой родине. Так, один из информантов, приехав в середине июля в родное селение, за неполных два месяца посетил около десятка свадеб. Именно свадебным сезоном он и объяснял выбор времени семейного отпуска. Отмечу, что почти все мои информанты используют свои отпуска (в том числе и с оплачиваемой

по северным льготам дорогой) не для путешествий и отдыха на курортах, а для поездок в Дагестан.

Похороны земляка – также весьма показательный момент проявления связи с селением исхода, ведь практически всех дагестанцев, умерших в миграции, увозят хоронить в Дагестан, несмотря на сложность перевозки тела и уровень финансовых затрат. Например, один из информантов, имеющий достаточно средний по региону заработок, потратил на транспортные расходы своей семьи до Дагестана, где похоронили умершего в миграции двоюродного племянника, и обратно около 100 тыс. рублей. Следует отметить, что организация похорон – классический пример взаимопомощи мигрантов-земляков. Правда, участвуют в этом не только односельчане семьи покойного, но и другие дагестанцы, особенно когда в городе существует активная земляческая организация.

В делах отправления религиозного культа мигранты также внимательно следят за своим селением: так, дагестанцы, живущие в Сургуте, обязательный для мусульман налог с прибыли – закят – платят не в сургутскую мечеть, а в мечеть родного села. Фиксировались случаи, когда окончание месяца поста Рамадан мигранты определяли не по объявлению сургутского имама, а по объявлению имама родного села (дата определяется в зависимости от появления новой луны после окончания месяца поста, разночтения в датах порой составляют 1–2 дня).

Границы джамаата и функционирование транслокального сельского сообщества

Исследователь, работающий в сельском Дагестане, всегда замечает, как легко информанты отвечают на вопрос о численности семей мигрантов из их селения в том или ином городе. Нередко жители и без участия антрополога ведут такой подсчет или, по крайней мере, рефлексируют на этот счет. Этому способствует и то обстоятельство, что уезжающие из сел дагестанцы, как правило, поддерживают тесные связи не только с членами своих семей и родственниками, но и с другими сельчанами. При этом подобное внимание к своему сельскому сообществу демонстрировали и в целом неуспешные мигранты, у которых процесс адаптации к принимающему сообществу не удался, и относительно удачно вписавшиеся в новую для себя северную жизнь семьи. В разговорах об отношении уехавших к сельскому джамаату некоторые информанты прямо утверждали, что и уехавшие, и оставшиеся все равно составляют единый джамаат (Капустина 2011). Разумеется, в каждом селе степень единства сообщества и взаимодействия жителей села и уехавших в миграцию земляков может быть различна, а декларация единства джамаата не всегда в полной мере соотносится с бытующими в селениях практиками. Однако наблюдения показывают, что нередко дагестанские трудовые

мигранты, долгое время работающие в городах ХМАО, не только вовлечены в решение личных или семейных экономических и социальных задач в селе, но и принимают активное участие во множестве мероприятий, направленных на благосостояние селения в целом и консолидацию сельского сообщества.

Надо отметить, что вовлечение транслокальных мигрантов во множество локальных проектов, направленных на улучшение жизни в отходящем населенном пункте, практика, характерная для транслокальных мигрантов и в других регионах (Peleikis 2003: 64; Goldring 1999: 177). В постсоветском Дагестане такая практика во многих селах стала единственно возможным способом развивать сельское поселение. Неформальные сообщества, организующиеся вокруг общественных организаций на базе села, мечети или сельчан-активистов, фактически замещают структуры власти различного уровня и берутся за действительно масштабные проекты, такие, как прокладка дорог, строительство локальных ГЭС, реставрация и даже реконструкция исторических зданий и кварталов, строительство и ремонт мечетей, медресе, кладбища, спортивного зала, школы. Подобные инициативы развиваются далеко не во всех селах республики, важное значение здесь играют степень сплоченности сельского сообщества, позиция успешных выходцев из сел (в том числе и трудовых мигрантов) одновременно с (не)возможностью получить доступ к государственным программам и другим бюджетным ресурсам.

В качестве примера замещения государственных структур активистом-меченатом приведу одно из сел в Южном Дагестане. Выходец, создавший бизнес в ХМАО, фактически построил в этом селе всю необходимую инфраструктуру – благоустроил кладбище, провел часть дороги, что значительно сократило и облегчило время в пути между селением и райцентром (последний проект, по словам информантов, он осуществлял совместно с районной администрацией), заново отстроил разваливающуюся школу:

Обошлась (она) в тридцать семь с половиной миллионов в 2004-м году. Ни копейки денег государство сюда, даже гвоздя не забило... Ни район, ни гвоздя и ни один человек... Хотя за, когда разговор пошел насчет этого, только он (меченат) попросил (у районной администрации): «Вы проект сделайте, проект школы», а остальные вопросы... За триста шестьдесят пять (тысяч) за проект оплатили мы, нам засунули, ...такой проект, ...изменили титульный лист, гостиничный проект, хотя он сказал, хотел двухэтажный, а здесь один этаж... Ни один человек из районного руководства, как технадзор или кто, сюда не приезжал за это время строительства. Что мы делали, чем мы занимались здесь [никого не интересовало]! (М., 57, Кайтагский р-н, Дагестан).

В миграции для решения вопросов, связанных с родным селом, со своих односельчан средства собирают мигранты-активисты, также живущие в городах ХМАО, причем порой именно списки с записями пожертвований

дают им представление о количестве семей из того или иного селения, проживающих в сибирских городах. Общественные работы по благоустройству села не только помогают поддерживать село, но при отсутствии поддержки властей разных уровней, они становятся стимулом к консолидации сельского сообщества, живущего в условиях транслокальности.

Общесельские мероприятия, такие, как дни села, спортивные турниры или моления, также являются консолидирующими событиями. Например, в одном дагестанском селении, жители которого активно выезжают на заработки в Сургут, уже более 20 лет существует традиция отмечать день села в мае. Те мигранты, кто не может приехать на праздник в Дагестан, решили отмечать день села в Сургуте: устраивают соревнования по футболу (так же, как и их односельчане на малой родине), а затем выезжают на шашлыки.

На наш взгляд, транслокальность сельского сообщества поддерживается и благодаря специфике административного устройства Республики Дагестан. Так, значительная часть переселенческих сел внутри самого Дагестана в XX в. организована на землях отгонного животноводства, административно несамостоятельна и до сих пор формально находится в подчинении администраций горных районов. Все жители этих населенных пунктов по документам являются жителями горных районов, участвуют в выборах глав горных селений и районов, а не тех районов, где живут фактически. Это, возможно, создало определенный прототип тесной связи между переселенческим селом и исторической родиной, который распространился за пределы данного типа переселенческих сел.

Следует отметить, что не только значительная часть информантов-мигрантов в Западной Сибири имела постоянную регистрацию в горах, но и большая часть живущих в Махачкале бывших сельчан также зарегистрированы в родных селениях – по разным причинам не все стремятся получить регистрацию в столице. Согласно моим наблюдениям, как правило, в семье мигрантов-северян есть как имеющие северную регистрацию, так и те, кто зарегистрирован в дагестанском селении.

Возвратная миграция с севера в Дагестан – распространенная практика, при этом возвращение может быть не в свое село, а в один из городов республики, что также ставит вопрос о судьбе сельской идентичности мигранта. Так, человек, выехавший из дагестанского села в другой регион и вернувшийся, к примеру, в Махачкалу, нередко и в городе продолжает ориентироваться на сообщество односельчан. В среде односельчан, живущих в столице республики, проводятся совместные встречи, спортивные мероприятия, фестивали, они часто принимают активное участие в политической жизни села (а зарегистрированные там – и в выборах), регулярно выезжают на свадьбы и обязательно на соборования, приезжают на важные религиозные праздники, организуют сельские земляческие объединения (Капустина 2012). В городе нередко формируются микрорайоны, где ком-

пактно проживают выходцы из одного и того же селения, в очередной раз подтверждая, что сельская идентичность для них реальна и значима.

Важным механизмом поддержания социальных связей и формирования единого информационного пространства внутри транслокального сельского сообщества становятся социальные сети, например, «Одноклассники», «ВКонтакте», *Facebook*. И мигранты, и немигранты нередко состоят в группах, организованных по принципу принадлежности к тому или иному дагестанскому селу, или же объединяются в группы выходцев из селения, живущих в том или ином месте в миграции. *Skype* также давно пользуется популярностью у мигрантов, позволяя членам транслокальных семей поддерживать постоянные контакты друг с другом. В последние несколько лет популярностью пользуется программа *WhatsApp* (информанты называют его «вацап»), благодаря которой родственники и односельчане создают групповые чаты, где обмениваются не только сообщениями, но и фотографиями, видео, надиктовывают друг другу сообщения, перезваниваются. При этом стоит отметить, что члены групповых чатов в настоящее время – не только члены семьи и родственники: сельские чаты подчас объединяют большую часть взрослых членов всего джамаата.

Посредством интернет-технологий нередко фактически создается пространство постоянного общения членов сельского сообщества вне зависимости от их географической локальности, в итоге осведомленность и вовлеченность мигрантов в сельские дела почти сравнима с вовлеченностью в них тех, кто остался в селе. Например, информантка, живущая в миграции более двух лет, со смехом рассказывала, что она в курсе всех сельских сплетен, практически в реальном времени наблюдала за всеми пропущенными ею свадьбами, знает, у кого в селе родила корова и кто какие обновки привез из очередной поездки на оптовый рынок.

Заключение

Исследователи видят в транснациональном образе жизни в основном отражение того, как мигрант адаптируется в принимающем сообществе и какие ресурсы собирается задействовать для своего обустройства на новом месте (Glick Schiller et al. 1992; Smith 2006; Itzigsohn, Giorguli-Saucedo 2002). В целом согласившись с этим подходом, хочу заметить, что на масштаб транснациональных практик в значительной мере влияют не только особенности жизни в миграции, но и социокультурная специфика локального отправляющего сообщества. В этой связи, на мой взгляд, так важно внимание к дагестанскому селению, отправляющему мигрантов в западносибирские города.

В современных условиях сельское сообщество в Дагестане в значительной мере детерриторизированно и приобрело признаки «глобальной

деревни», а границы джамаата как социальной реальности определяются через его активных членов, даже если они находятся в длительной трудовой миграции или переехали в города Дагестана. Безусловно, дагестанские сельские сообщества не тотально контролируют своих членов, а также сами подвергаются трансформации и порой в значительной мере теряют свои социально-политические функции. Тем не менее во многих случаях жители селения, а также уехавшие в трудовую миграцию за пределы селения и Дагестана выходцы из него сохраняют объединяющую их сельскую идентичность, совместно участвуют в жизни родного села и даже подчас замещают государство при решении социальных вопросов.

Выражение признательности

Статья написана по материалам проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России», реализуемого при Европейском университете в Санкт-Петербурге, и при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14–18–02149.

Список источников

Байфорд Э. (2014) Разыгрывая «сообщество»: русскоязычные мигранты современной Британии. *Новое литературное обозрение*, (3). Доступно по ссылке: <http://www.nlobooks.ru/node/5175> (дата обращения: 10 октября 2017).

Карпов Ю., Капустина Е. (2011) *Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX–начале XXI веков: история, социокультурные и этнополитические результаты*. СПб.: Петербургское востоковедение.

Казенин К. (2012) *Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках*. М.: Регнум.

Капустина Е. Л. (2012) Сельские землячества как элемент социальной культуры современной Махачкалы. Э. М. Далгат (ред.) *Северокавказский город в региональном историческом процессе*. Материалы международной научной конференции (Каспийск. 18–19 сентября 2012 года). Махачкала: ДНЦ РАН: 379–383.

Капустина Е. Л. (2014) Собственность на север: мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (5): 158–176.

Капустина Е. Л. (2017) Между Севером и землей: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта. *Социологические исследования*, (5): 26–34.

Карпов Ю. Ю. (2007) Горное дагестанское селение: от традиционного джамаата к нынешнему социальному облику. С. Штырков, М. Албогачиева, Ю. Карпов, Ю. Ботяков, В. Дмитриев, Л. Панек, Г. Генко (ред.) *Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения*. СПб.: Петербургское востоковедение: 5–74.

- Магомедханов М. (2008) *Дагестанцы. Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания*. М: ДИНЭМ.
- Соколов Д. (2017а) Социальная трансформация: от сельской общины к городскому сообществу. *Кавполит*. Доступно по ссылке http://kavpolit.com/articles/sotsialnaja_transformatsija_ot_selskoj_obschiny_k-35757/ (дата обращения: 10 октября 2017).
- Соколов Д. (2017б) Политические элиты и восстание масс. *Ведомости*. Доступно по ссылке: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/08/24/730774-politicheskie-eliti> (дата обращения: 10 октября 2017).
- Шабанова М. А. (1992) Современное отходничество как социокультурный феномен. *Социологические исследования*, (4): 52–62.
- Appadurai A. (1991) Global Ethnoscapes: Notes and Queries for a Transnational Anthropology. R. G. Fox (ed.) *Recapturing Anthropology. Working in the Present*. Santa Fe: School of American Research Press: 191–210.
- Boyd M. (1989) Family and Personal Networks in International Migration: Recent Developments and New Agendas. *International Migration Review*, 23 (3): 638–670.
- Cohen A. P. (1985) *The Symbolic Construction of Community*. London: Routledge.
- Copeland-Carson J., Odell Butler M., Wasson C. (2012) Introduction. Global-Local Connections: The View from Applied Anthropology. J. Copeland-Carson, M. Odell Butler, C. Wasson (eds.) *Applying Anthropology in the Global Village*. Walnut Creek, CA: Left Coast Press: 7–20.
- Faist T. (2010) Diaspora and Transnationalism: What Kind of Dance Partners? B. Rainer, T. Faist (eds.) *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press: 9–34.
- Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. (1992) *Towards a Transnational Perspective on Migration*. New York: Annals of New York Academy of Science.
- Goldring L. (1999) Power and Status in Transnational Social Spaces. L. Pries (ed.) *Migration and Transnational Social Spaces*. Brookfield: Ashgate: 162–186.
- Greiner C. (2010) Patterns of Translocality: Migration, Livelihoods and Identity in North-west Namibia. *Sociologus*, 60 (2): 131–161.
- Greiner C., Sakdapolrak P. (2013) Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives. *Geography Compass*, 7 (5): 373–384.
- Itzigsohn J., Giorguli-Saucedo S. (2002). Immigrant Incorporation and Sociocultural Transnationalism. *International Migration Review*, 36 (3): 766–798.
- Massey D., Alarcon R., Durand J., Gonzalez Y. (1987) *Return to Aztlan: The Social Process of International Migration from Western Mexico*. Berkeley: University of California Press.
- Peleikis A. (2003) *Lebanese In Motion. Gender and the Making of a Translocal Village*. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Tölölyan K. (1996) Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment. *Diaspora. Journal of Transnational Studies*, 5 (1): 3–36.
- Wonneberger A. (2011) The End of Community? Concepts of Locality and Community before and after the Spatial Turn in Anthropology: A Case Study of the Dublin Docklands. *Localities*, (1): 125–158.